

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ПРОЗЕ А. ЧЕХОВА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск (2) 30.
 Устюгова Л. Функціонально-стилістичні особливості дієприслівників у прозі А. Чехова; 18 с.; кількість бібліографічних джерел – 16; мова – російська.

Анотація. Автор статті досліджує функціонально-стилістичні, а також структурні особливості дієприслівників у прозі А. Чехова 1895-1903 рр. Особлива увага звертається на ті фактори, котрі обумовлюють вживання дієприслівників у книжних контекстах як самостійної морфолого-синтаксичної категорії.

Ключові слова: дієприслівник, словоформа, функція, книжний контекст.

Начиная с М. Ломоносова лингвисты проявляли постоянный интерес к проблеме деепричастий, причём на каждом этапе развития лингвистики изучались новые аспекты этой сравнительно молодой грамматической категории (см., например, работы последних лет [1, 16 и др.]). В лингвистике конца XX – начала XXI вв. грамматика рассматривается прежде всего как инструмент порождения текста. В обобщающих же исследованиях прежних лет уделялось недостаточное внимание книжным контекстам, игравшим ведущую роль в процессе формирования деепричастий как самостоятельной грамматической категории. Именно в книжных контекстах наиболее полно проявляются семантико-грамматические и функциональные особенности данных деривативов. Анализ функционирования языковых единиц в тексте позволяет по-новому взглянуть на традиционные грамматические объекты. Это касается и деепричастий, текстопорождающие возможности которых сейчас приобрели особую актуальность.

Источником материала для настоящей статьи послужила проза А. Чехова, преимущественно последнего периода его творчества – 1895-1903 гг. Основная цель статьи – показать, насколько морфологические и синтаксические признаки деепричастий предопределяются использованием данной

грамматической категории в книжных контекстах.

Известно, что деепричастия сформировались на базе аппозитивных причастий, т.е. кратких действительных причастий, утративших склонение и закрепившихся в формах именительного падежа. Поскольку эти формы имели не только родовые и числовые различия, но и варианты синонимичных суффиксов, процесс стандартизации новой грамматической категории происходил в течение длительного времени. Некоторая неустойчивость нормы ещё сохранялась в русском литературном языке второй половины XIX в. [4, с. 310], однако структура деепричастий, зафиксированных в прозе А. Чехова последнего периода творчества, лишь частично отражает эту неустойчивость. Формы деепричастий, использованных А. Чеховым, в основных своих чертах соответствуют направлению последующего развития данной грамматической категории в русском литературном языке. На это указывают представленные в таблице 1 результаты количественного анализа деепричастий, зафиксированных в прозе А. Чехова.

1. При составлении таблицы 1 учитывался вид и возвратность / невозвратность мотивирующего глагола, а также форманты деепричастий. Цифра перед косой линией обозначает количество словоформ деепричастий, а после косой линии – количество их словоупотреблений:

Таблица 1. Количество деепричастий в прозе А. Чехова

Форманты:	Несовершенный вид			Совершенный вид		
	невозвратные	возвратные	Всего:	невозвратные	возвратные	Всего:
-а/-я	330 / 779	93/205	423/984	10/44	4/6	14/50
-учи/-ючи	2/4	–	2/4	–	–	–
-в	–	–	–	87/183	–	87/183
-вши	4/6	–	4/6	20/30	49/87	69/117
-ши	–	–	–	1/1	–	1/1
∅	–	–	–	1/1	–	1/1
Всего:	336/789	93/205	429/994	119/259	53/93	172/352
Общий итог	601 / 1346					

Из таблицы 1 видно, что в прозе А. Чехова преобладают деепричастия, мотивированные глаголами несовершенного вида (НСВ) – 429 словоформ (71%), из них возвратных – 93, или 21% от общего числа словоформ НСВ. 172 деепричастия (29%) мотивируются глаголами совершенного вида (СВ). Возвратные словоформы СВ составляют 31% (53 словоформы). В целом на долю деепричастий, мотивированных возвратными глаголами, приходится 24% (146 словоформ). Средняя частотность употре-

бления словоформ деепричастий составляет 2,2 единицы, что несколько превышает установленную нами частотность использования этих признаков слов в прозе А. Пушкина и М. Лермонтова (см. [10 и 11]). Следует отметить, что целый ряд словоформ в произведениях последнего периода творчества А. Чехова имеет частотность значительно выше 2,2: 10 и более раз встречаются деепричастия *держа, желая, слушая, уходя; боясь, возвращаясь, обращаясь, улыбаясь, садясь; подумав, узнав, увидев; придя* и некоторые другие. Деепричастие *сидя*

зафиксировано 23 раза, а *глядя* – 80. Однако каждое четвёртое деепричастие (342 примера) представлено только одним случаем своего употребления. Это словоформы, образованные от книжных глаголов, иногда устаревших (*воздевая, издавая, изумляя, поэтизируя, предсказывая, размышляя, рассуждая, расточив*), а также производные от разговорных глаголов: *кушая, пихая, попевая, пьянствуя; выдаясь, почёсываясь, таскаясь; задрав, засучив, крякнув, увидав; запахнувшись, поженившись, присосавшись, спохватившись; набредя*). Среди одиночных деепричастий достаточно много словоформ, низкая частотность употребления которых обусловлена фонетическими ограничениями, отсутствием длительной традиции их использования и т.д.: *беря, жуя, наводя, разнообразя, точа, тыча, ходя, шепча, дав, сжав, доведя, набредя, сойдя* и др.¹

Анализ структуры деепричастий показал, что А. Чехов весьма строго относился к отбору не только лексических, но и грамматических средств: из 1346 деепричастий, зафиксированных в 8-м томе Собрания его сочинений, только 42 единицы (3%) имеют суффиксы, не кодифицированные в литературном языке².

2. Своеобразие функционирования деепричастий в тексте предопределяются не только структурой отдельных словоформ, но и особенностями их включения в предложение. К таким особенностям относятся следующие признаки: 1) наличие / отсутствие у деепричастия зависимых слов; 2) характер зависимых от деепричастия компонентов – отдельные слова или целые предложения; 3) количество деепричастий, относящихся к одному глаголу; 4) средства связи однородных деепричастий; 5) способы присоединения деепричастий к глаголу; 6) формы глаголов-сказуемых, к которым относятся деепричастия; и др. Рассмотрим эти признаки на материале примеров из прозы А. Чехова.

2.1. Деепричастия без зависимых слов в прозе А. Чехова встречаются реже, чем деепричастные обороты. Например:

*Жестикуючая, он опрокинул рукавом сосунок, и на скатерти образовалась большая лужа, но, кроме меня, казалось, никто не заметил этого [6, 89]*³; *Поговоривши, поехали на вокзал [27, 498]* (одиночные деепричастия); *Вставши утром, она тотчас же бралась за книгу и читала, сидя на террасе в глубоком кресле... [6, 91]*; *Она [Елена Ивановна]... пошла, не сказав больше ни слова. И шла всё быстрой и быстрой, не оглядываясь [19, 368]* (деепричастные обороты).

2.2. Основной тип зависимых от деепричастия компонентов – отдельные слова: – *Люблю я своего батьку, право, сказал он, расплачиваясь с извозчиком [27, 492]*. В некоторых случаях от деепричастий зависят придаточные предложения: *Бродя тоже по кучам, не зная, что делать, я вспоминал, как инженер... ответил мне... [7, 120]*. В данном предложении от деепричастия *не зная* зависит придаточное изъяснительное предложение *что делать*. Аналогично и в других примерах:

А она [Надя] глядела на него, не мигая, боль-

шими, влюблёнными глазами, как очарованная, ожидая, что он [Саша] тотчас же скажет ей что-нибудь значительное... [27, 495]; *Она [Котик] пожала плечами, как бы недоумевая и не понимая, что ему нужно от неё, но встала и пошла [16, 320]*; *Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава богу, кончился и можно отдохнуть [23, 448]*; *И, сделав над собой усилие, сдерживая свой гнев, чтобы не сказать ещё чего-нибудь лишнего, он [инженер] повернул и пошёл дальше [19, 370]*. В последнем предложении от деепричастия зависит придаточное предложение цели.

2.3. Обычно в прозе А. Чехова к глаголу относится одно деепричастие: – *Завтра я уезжаю, – сказал он, подумав, – и вы поедете на вокзал провожать меня... [27, 495]*; «...Милое, милое искусство!» – *продолжала она, мечтательно глядя на небо... [7, 175]*.

Но довольно часто встречаются и однородные деепричастия:

– *Одно несомненно: надо устраивать себе жизнь как-нибудь по-иному, – сказала Мария Викторовна, помолчав и подумав... [7, 144]*; *...бабку, которая рассказывала интереснее всех, они [девочки] слушали не дыша, боясь пошевелинуться [23, 217]*; «Господи! – *продолжал он [Шамохин], глядя на небо и прижимая свёртки к груди, – если у неё сладится с князем, то ведь это значит свобода, я могу уехать тогда в деревню, к отцу!*» [5, 85].

2.4. Однородные деепричастия соединяются как интонацией, так и союзами. Примеры бессоюзного включения в предложение:

– *По дороге около Никитовой гречи того... инженер с собачкой... – начал Радион, отдохнув, почёсывая себе бока и локти. – Платить, говорит, надо... [19, 364]*; *...гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило [24, 465]*; и др.

При союзной связи наиболее употребительным является соединительный союз *и*: *Девочки, сидя и лёжа на печи, глядели вниз не мигая... [8, 217]*; *Сидя на кухне, она [Прасковья] старалась подслушать, о чём говорят гости, и всё крестилась, прижимая пальцы ко лбу и поглядывая на образ [23, 417]*.

Имеются примеры с разделительным союзом *то...то*:

...оба [Гуров и Анна Сергеевна] или бестолково, по коридорам, по лестницам, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у них перед глазами какие-то люди... дул сквозной ветер, обдавая запахом табачных окурков [21, 401].

Встречаются также комбинированные варианты – бессоюзная и союзная связь однородных деепричастий. Ср.:

Семён лавировал, объезжая дорогу, то по бугру, то по лугу, часто прыгая с телеги и помогая лошади [11, 254]; (*объезжая – прыгая – и помогая*); *Раскрасневшись, волнуясь до слёз и сме-*

ясь, она [Мария Викторовна] *мечтала вслух о том, как она будет жить в Дубечне и какая это будет интересная жизнь* [7, 151] (*раскрасневшись – волнуясь – и смеясь*); и др.

2.5. Для деепричастий, как правило, характерна бессоюзная связь с глаголом-сказуемым. Однако в ряде случаев деепричастия присоединяются к глаголу-сказуемому при помощи семантических союзов, вносящих определённые оттенки значения в содержание предложения. Например:

– *До завтра!* – *прошептала она* [Женя] *и осторожно, точно боясь нарушить ночную тишину, обняла меня* [6, 102]; *Она* [Котик] *остановилась, как бы желая что-то сказать, потом неловко сунула в руку записку и побежала в дом и там опять села за рояль* [16, 321]; *В вербах шумели грачи, потревоженные этой ездой, и, надсаживаясь, не умолкая, пели скворцы, как будто радуясь, что у Цыбукиных свадьба* [23, 420]; и др. Чаще всего встречается союз *как бы*.

Союзы *точно, как будто, как бы* вносят оттенок ирреальности значения. Без союзов эти конструкции выражали бы значение реальности. Ср.:

Он жаловался на старосту и то и дело оборачивался к мужикам, как бы приглашая их в свидетели [8, 220] > *Он жаловался на старосту и то и дело оборачивался к мужикам, приглашая их в свидетели.*

2.6. Деепричастия обычно относятся к спрягаемым формам глагола или к формам прошедшего времени. В проанализированных нами рассказах и повестях А. Чехова явно преобладают формы прошедшего времени глаголов, поскольку писатель рассказывает об уже произошедших событиях. Ср.:

– *Вон отсюда!* – *крикнула Вера не своим голосом, вскакивая и дрожая всем телом.* – *Гоните её вон, она меня замучила!* – *продолжала она, быстро идя за Алёной по коридору и топоча ногами* [10, 250]; – *На кого же ты меня покинул, голубчик мой?* – *рыдала она* [Оленька], *похоронив мужа* [18, 352]; и др.

Соотнесённость деепричастий с формами настоящего и будущего времени встречается крайне редко, при этом формы настоящего времени употребляются во «вневременном значении», обозначая «действие как постоянное, не ограниченное временем свойство» [4, с. 450]. Например: *И теперь, ставши подрядчиком, я понимаю, как это из-за грошового заказа можно дня по три бегать по городу и искать кровельщиков* [7, 195]. Употребление форм будущего времени на фоне сопоставления с настоящим способствует более рельефному представлению результата, достижения цели в будущем [4, с. 452]. Именно такие отношения зафиксированы в следующем предложении:

Укладывая его [Сашу] *в постель, она* [Оленька] *долго крестит (наст. вр.) его и шепчет (наст. вр.) молитву, потом, ложась спать, грезит (наст. вр.) о том будущем, далёком и туманном, когда Саша, кончив курс, станет (буд. вр.) доктором или инженером, будет иметь (буд. вр.) собственный большой дом, лошадей, коляску, женится*

(буд. вр.) *и у него родятся (буд. вр.) дети...* [18, 358].

Однако такие примеры в нашем материале единичны. Единичными являются и примеры соотнесённости деепричастий с инфинитивом, деепричастием и др.: *...сидя на нижней ступени террасы, испытывал раздражение и говорил, что лечить мужиков, не будучи врачом, значит обманывать их...* [6, 91] (главные члены выражены глаголами в форме инфинитива: *лечить – не будучи врачом – обманывать*); *Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава богу, кончился и можно отдохнуть* [23, 448] (*глядя – точно торжествуя – и восхищаясь*). В этом предложении *торжествуя и восхищаясь* присоединяются к деепричастию *глядя* сравнительным союзом *точно*.

2.7. Основная сфера функционирования деепричастий в прозе А. Чехова – двусоставные, личные предложения. Примеров употребления деепричастий в безличных предложениях мы не зафиксировали, т.е. установленное ещё М. Ломоносовым правило о том, что у глагола-сказуемого и у деепричастия должен быть один субъект действия, в прозе А. Чехова не нарушается.

3.1. Морфологические признаки деепричастий в известной степени предопределяют их синтаксические функции в предложении. Между тем, вопрос об этих признаках до сих пор не имеет однозначного решения. Наиболее дискуссионной является проблема наличия / отсутствия у деепричастий категории времени. Деепричастия, как известно, сформировались на основе действительных причастий настоящего и прошедшего времени. Указание на категорию времени у деепричастий связано и со спецификой значений, которые они могут передавать, обозначая время второстепенного действия через отношение ко времени основного действия, выраженного глаголом-сказуемым. П.А. Лекант отмечает у деепричастий «способность выражать временные параметры предложения (при поддержке видом)» [7]. О.М. Чупашева, выделяя связь со сказуемым как ведущую линию полупредикативности деепричастий, указывает на их возможность иметь потенциальные значения времени и модальности [16]. А.П. Вальсова относит деепричастия к таксисным синтаксемам, для которых характерно «грамматическое отношение между двумя предикативными единицами по категориям **темпоральности**, модальности и персональности (субъектности) в рамках единого субъектно-модусного плана» [5] (выделено нами – Л.У.). Поэтому мнение Л. Р. Абдулхаковой о том, что о деепричастиях настоящего и прошедшего времени можно говорить лишь применительно к древнерусскому периоду, а начиная со старорусского периода – только о деепричастиях несовершенного и совершенного вида [1, с. 3-4], представляется нам излишне категоричным. Ведь «теория видов русского глагола, по справедливому замечанию В.В. Виноградова, – один из наиболее трудных, спорных и неразработанных

отделов русской грамматики» [4, с. 379]. И хотя категория вида лежит в основе внутриглагольного формообразования и словообразования, она мало влияет на предикативность – необходимый компонент предложения, включающий время, модальность и лицо, а следовательно, не имеет первостепенного значения при определении функциональной нагрузки тех грамматических категорий, которые так или иначе связаны с предикативностью. Деепричастие, категориальное значение которого – «производимое протекающее действие» [7], относится именно к таким категориям. Не обладая морфологически выраженным значением времени, в предложении, тем не менее, деепричастия передают то или иное отношение обозначаемого ими действия ко времени действия глагола-сказуемого. Эти значения предопределяются видовой принадлежностью мотивирующих глаголов. Деепричастия НСВ обычно передают одновременность с действием глагола-сказуемого [9, с. 672]: *Поднимая и опуская свой страшный топор, он принимал картинные позы...* [7, 148] (между сказуемым *принимал* и деепричастиями *поднимая* и *опуская* устанавливается значение одновременности). Деепричастия СВ могут передавать разные временные оттенки значения: 1) предшествования: *Поговоривши, поехали на вокзал* [27, 498]; 2) одновременности состояния как результата предшествующего действия: ... *зелёная, с жёлтой грудью, с улыбкой, она [Аксинья] глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову* [23, 423] (*глядит* сейчас, после того как *вытянулась* и *подняла* голову); 3) следования: *И теперь, ставши подрядчиком, я понимаю, как это из-за грошового заказа можно дня по три бегать по городу и искать кровельщиков* [7, 195] (сначала *стал* подрядчиком, а потом – *наступило* понимание).

3.2. Особый интерес вызывают примеры употребления деепричастий СВ и НСВ при одном и том же глаголе. Именно в таких конструкциях отчётливее всего проявляются различия во временных оттенках значения деепричастий совершенного и несовершенного видов. Ср.: *Раскрасневшись, волнуясь до слёз и смеясь, она [Мария Викторовна] мечтала вслух о том, как она будет жить в*

Дубечне и какая это будет интересная жизнь [7, 151] (*раскрасневшись* по времени предшествует деепричастиям *волнуясь* и *смеясь*, которые имеют значение одновременности с действием глагола-сказуемого *мечтала*); *И, сделав над собой усилие, сдерживая свой гнев, чтобы не сказать ещё чего-нибудь лишнего, он [инженер] повернул и пошёл дальше* [19, 370] (*сделав над собой усилие* предшествует значению оборота *сдерживая свой гнев*, который обозначает одновременность с действиями глаголов-сказуемых *повернулся* и *пошёл*). Указанные временные отношения, безусловно, связаны с категорией вида деепричастия, предопределяются ею. Преобладание деепричастий НСВ в прозе А. Чехова, на наш взгляд, не является случайностью. Выше мы указывали, что деепричастия НСВ составляют 71% (429 примеров), а совершенного – 29% (172 примера). Аналогичная картина наблюдается также в прозе А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Достоевского, И. Тургенева, М. Салтыкова-Щедрина [10; 11; 12; 14; и др.]. В исследованном нами материале только в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души» деепричастия СВ составляют 62% [9, с. 13]. У деепричастий как у признаков слов именно в формах НСВ временное значение как бы перекрывается значением признака. Поэтому в предложении деепричастия НСВ чаще всего являются обстоятельствами образа действия, чем, на наш взгляд, и объясняется их преобладание в художественных текстах.

Таким образом, при использовании деепричастий в тексте в большей или в меньшей степени реализуются временные значения, формально закреплённые за видовыми показателями, в то время как категория вида ‘ведёт себя’ нейтрально.

4.1. Выработка специфических синтаксических функций деепричастий сопровождалась закреплением особого грамматического значения новой категории – значения второстепенного действия, с одной стороны, и процессуального признака действия, – с другой. Кроме предикативной и обстоятельственной функций, Л.Р. Абдулхакова выделяет ещё предикативно-обстоятельную [1, с. 8]. В нашем материале имеется больше всего примеров с деепричастиями в роли обстоятельств образа действия:

Деепричастия НСВ	Деепричастия СВ
<i>...отворились настежь ворота, и по нашей улице, балуясь, мягко играя бубенчиками, покатила (как? каким образом?) тройка</i> [7, 111]; <i>...спектаклей не начинали раньше, пока она [дочь инженера Должикова] не появлялась в первом ряду, сияя и изумляя всех своим нарядом</i> [7, 114].	<i>...кривые лестнички, ведущие в антресоли, где можно стоять (как? каким образом?) только согнувшись</i> [7, 110]; <i>Приехал он [инженер Виктор Иванович] неожиданно, не предупредив даже телеграммой</i> [7, 151-152];

Значение обстоятельства образа действия в большей степени присуще деепричастиям НСВ. В тех случаях, когда используются деепричастия СВ, часто возникает возможность двойного толкования типа обстоятельства. Нередки случаи затруднений при установлении связи деепричастия с глаголом-сказуемым. Ср.: *Обыкновенно, одевши шубу и подняв воротник, запахнувшись, он*

[старик Цыбукин] гуляет по деревне... [23, 447]. Деепричастия в данном предложении можно рассмотреть как обстоятельства времени: *гуляет (когда?) – одевши шубу и подняв воротник, запахнувшись*. Возможная трансформация – *одел шубу, поднял воротник, запахнулся и пошёл гулять* – даёт основание для такой квалификации указанных деепричастий. Но нельзя исключить возможность рас-

смотрения этих деепричастий и как обстоятельств образа действия: *гуляет* (как? каким образом?) – *одевши шубу и подняв воротник, запахнувшись*. Это подтверждает другая трансформация: *гуляет в шубе, с поднятым воротником, 'запахнутый'* (за-стёгнутый).

Деепричастия НСВ	Деепричастия СВ
<i>...сидя вечером на террасе со своими и разговаривая, я вдруг засыпал</i> (когда?), и надо мною громко смеялись [7, 167].	<i>Проводив дочь в гимназию, Гуров отправился</i> (когда?) в «Славянский базар» [21, 403]. <i>А Иван Иванович всё ворочался с боку на бок и вздыхал, а потом встал, опять вышел наружу и, севши у дверей, закурил</i> (когда?) трубочку [13, 293].

Деепричастия в функции обстоятельств времени чаще всего стоят перед глаголом-сказуемым, что предопределяется временным значением деепричастий СВ: *Приехав в Москву, она оставалась в «Славянском базаре» и тотчас же посылала к Гурову человека в красной шапке* [21, 403]. Такая же позиция является преобладающей и у деепричастий НСВ: *Поднимая и опуская свой страшный топор, он принимал картинные позы...* [7, 148]. В некоторых случаях деепричастия в роли обстоятельств времени стоят после глагола-сказуемого: *Люблю я своего батьку, право, сказал он* [жених Нади], *расплачиваясь с извозчиком* [27, 492]; *Его* [Пустовалова] *лечили лучшие доктора, но болезнь взяла своё, и он умер, проболев четыре месяца* [18, 352]. В группе деепричастий – обстоятельств времени есть пограничные случаи между обстоятельствами времени и причины (*Варвара помогала деньгами, хлебом, старой одеждой, а потом, обжившись, стала потаскивать* (когда? или почему?) *и из лавки* [23, 413]; *Получив*

4.2. Обширную группу составляют деепричастия в роли обстоятельств времени. Чаще всего этот тип обстоятельств выражается деепричастиями СВ, хотя имеются примеры использования в этой функции и деепричастий НСВ:

пять рублей, Лычковы, отец и сын, староста и Володька переплыли на лодке реку и отправились (когда? или почему?) *на ту сторону в село Кряково, где был кабак, и долго там гуляли* [19, 362]), а также обстоятельствами времени и образа действия:

...когда в грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грех, казалось, сгустившись, уже туманом стоял в воздухе (когда? или как? каким образом?), *тогда становилось как-то легче при мысли, что там, в доме, есть тихая, опрятная женщина, которой нет дела ни до солонины, ни до водки...* [23, 413-414].

Пограничные явления между второстепенными членами предложения последовательно отмечаются в традиционном синтаксисе. Однако в случае с деепричастиями неоднозначность квалификации может возникнуть в связи с трудностью отграничения обстоятельственных значений от значения второстепенного сказуемого, о чём будет сказано ниже.

4.3. Деепричастия сравнительно часто употребляются в роли обстоятельств причины:

Деепричастия НСВ	Деепричастия СВ
<i>– Куда? – спросила</i> (почему?) <i>Нина Ивановна, не понимая, и села на кровать</i> [493].	<i>Увидав инженера, я невольно сделал шаг назад</i> (почему?), <i>а он</i> [Виктор Иванович] <i>протянул ко мне обе руки и сказал, улыбаясь, показывая свои белые, крепкие, ямщицкие зубы: – Вот и он! Вот и он! Очень рад видеть вас, господин маляр!</i> [7, 152].

Другие типы обстоятельств, выраженных деепричастиями, в прозе А. Чехова представлены единичными примерами.

5.1. Деепричастия с предикативным значением обычно выполняют функцию второстепенного сказуемого. Таких деепричастий в прозе А. Чехова мы выявили немного. Они используются для подчёркивания динамики ситуации. Чаще всего эффект динамики достигается употреблением нескольких глаголов: *Приехав домой, преосвященный Пётр напился чаю, потом переоделся, лёг в постель и приказал келейнику закрыть ставни на окнах* [460]. Но в ряде случаев эту функцию выполняют деепричастия. Ср.:

Она [Анна] *танцевала страстно, с увлечением и вальс, и польку, и кадрили, переходя с рук на руки, угорая от музыки и шума, мешая русский язык с французским, картавя, смеясь и не думая ни о муже, ни о ком и ни о чём* [2, 21].

В данном предложении при одном глаголе

танцевала употреблено 6 деепричастий, которые, с одной стороны, конкретизируют обстоятельства *страстно, с увлечением*, а с другой, – создают динамичную картину перерождения Анны на балу. Аналогичные отношения наблюдаются и в следующих предложениях:

Я выбрал три небольших комнаты с окнами в сад и с раннего утра до ночи убирал их, вставляя новые стёкла, оклеивая обоями, заделывая в полу щели и дыры [7, 156]; *Её муж, суется, не переставая разговаривать и всё забегая вперёд, провожал гостя, а она пугливо и виновато жалась к стене...* [9, 239]; *Марья металась около своей избы, плача, ломая руки, стуча зубами, хотя пожар был далеко, на другом краю...* [8, 211]; *...оба* [Гуров и Анна Сергеевна] *или бестолково, по коридорам, по лестницам, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у них перед глазами какие-то люди... дул сквозной ветер, обдавая запахом табачных окурков* [21, 401].

В последнем предложении, как и в примере из рассказа «Анна на шее», статичные обстоятельства (*шли бестолково, по коридорам, по лестницам*) автор дополняет деепричастиями (*шли... то поднимаясь, то спускаясь*), которые, усиливая динамику повествования, способствуют более точной передаче взволнованности, нервного перенапряжения героев и т.д. А в целом во всех приведённых примерах даны довольно динамичные картины, созданные при помощи деепричастий.

5.2. При разграничении предикативной и обстоятельственной функций деепричастий весьма показательным является такой признак, как наличие при глаголе-сказуемом однородных обстоятельств, выраженных другими частями речи или другими формами глагола. Ср.:

Приехал он [инженер Виктор Иванович] неожиданно, не предупредив даже телеграммой [7, 151-152]; Потом отец ходил в гостиной из угла в угол и говорил о чём-то, потирая руки, а сестра сидела в кресле неподвижно, о чём-то думая, не слушая его [7, 154]; И всё она [Оленька] выражалась так степенно, так рассудительно, подражая мужу... [352]; – Ваше преосвященство, проговорила она тонким голоском, уже горько плача, – дядечка, мы с мамашей остались несчастными... [24, 462]; А она [Надя] глядела на него, не мигая, большими, влюблёнными глазами, как очарованная, ожидая, что он [Саша] тотчас же скажет ей что-нибудь значительное... [27, 495]; Ему [Володьке] никто не отвечает, и идут дальше молча, понури́в головы [19, 372]; Доктор Старченко... и следователь Лыжин... сидели молча, задумавшись [20, 375].

В двух последних предложениях в роли статичного обстоятельства употреблено деепричастие *молча*, претерпевшее процесс адвербализации. В прозе А. Чехова мы зафиксировали несколько деепричастий, перешедших в наречия: *Мы все сообщая отдаём этот досуг наукам и искусствам [6, 98]; Потом сидели и молча плакали [27, 498].* Характерно, что для определения перехода деепричастий в наречия используются такие же критерии, как и при разграничении причастий и отглагольных прилагательных: и в том, и в другом случае определяющим фактором оказывается наличие / отсутствие зависимых слов. Ср.:

Потом она, лёжа, ела булку и говорила мне: – Когда ты... ушёл в маляры, я и Анюта Благово с самого начала знали, что ты прав... [7, 189]; После обеда Женя читала, лёжа в глубоком кресле, а я сидел на нижней ступени террасы [6, 93].

В 1-м примере слово *лёжа* можно отнести к наречиям, а во 2-м – это несомненное деепричастие с зависимым обстоятельством места: *лёжа где? в глубоком кресле.*

Рассмотренный выше материал, на наш взгляд, убедительно показывает противоречивость грамматической природы деепричастий, тяготеющих, с одной стороны, к наречиям (неизменяемость, обстоятельственное значение), а с другой, – не разрывающих связи с глаголами не только в

морфологических признаках (мотивированность глаголом, наличие категории вида), но и в синтаксических функциях (второстепенное сказуемое). Поэтому при определении функций деепричастий существует объективно заложенная в грамматической природе слов этой категории возможность неоднозначных решений. В большинстве рассмотренных нами примеров можно выделить не чисто обстоятельственное или чисто предикативное значение деепричастий, а компромиссное предикативно-обстоятельственное. На это указывает возможность трансформации предложения, при которой деепричастие заменяется соотносительным глаголом. Например: *Быть может, оттого, что, ставши рабочим, я уже видел нашу городскую жизнь только с её изнанки... [7, 138] > Быть может, оттого, что я стал рабочим, я видел нашу городскую жизнь только с её изнанки.* Подобные трансформации почти невозможны с деепричастиями в функции обстоятельств образа действия. Ср.: *...отворились настежь ворота, и по нашей улице, балуясь, мягко играя бубенчиками, покатила (как? каким образом?) тройка [7, 111] > ...отворились настежь ворота, и по нашей улице покатила тройка, которая баловалась, мягко играла бубенчиками – явно неуклюжая конструкция; ...кривые лестнички, ведущие в антресоли, где можно стоять (как? каким образом?) только согнувшись [7, 110] – трансформация невозможна. В нашем материале имеется лишь несколько примеров, где замена таких деепричастий глаголами заметно не искажает смысл предложения:*

...гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило [24, 465] > ...гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкал и волновал весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило; Она [Надя] не спала всю ночь и утром сидела у окна, прислушиваясь [27, 500] > Она [Надя] не спала всю ночь и утром сидела у окна и прислушивалась; ...Варвара часто говорит: – А наш [старик Цыбукин] вчера опять лёг не евши [23, 447] > ...Варвара часто говорит: – А наш [старик Цыбукин] вчера опять лёг и не поел.

Однако сравнение трансформированных предложений с авторскими только подчёркивает мастерство писателя, хотя как исследовательский приём трансформация, на наш взгляд, вполне допустима.

Таким образом, исследованный материал показывает, что основная синтаксическая функция деепричастий в прозе А. Чехова – обстоятельственная, причём в ряде случаев (у обстоятельств времени, причины, уступки, реже – образа действия) она имеет характер предикативно-обстоятельственный.

6.1. Употребление деепричастий как признаков слов в художественном тексте подчинено определённым эстетическим задачам. Анализируя стилистические функции деепричастий, мы рассмотрели прежде всего условия их употребления, и оказалось, что достаточно часто эти словоформы

встречаются в словах автора. Аналогичное явление характерно и для романа Ф. Достоевского «Бесы», в котором деепричастия в словах автора, как правило, служат для характеристики говорящего. Ср.: – *Вы меня измучили, – проговорил он потупясь, тихим полушепотом, – зачем вы не приходили?* [12]. В романе И. Тургенева «Отцы и дети» в словах автора обычно даётся описание ситуации, в которой происходит разговор: – *А чудаковат у тебя дядя, – говорил Аркадию Базаров, сидя в халате возле его постели и насасывая короткую трубочку* [14]. В словах автора, зафиксированных в прозе А. Чехова, деепричастия служат как для характеристики говорящего (– *Завтра я уезжаю, – сказал он, подумав, – и вы поедете на вокзал, провожать меня...* [27, 495]; – *Нехорошее дело, – говорил он [Радион], ворочаясь с боку на бок и вздыхая...* [19, 363]), так и для описания ситуации, в которой происходит разговор: «...Милое, милое искусство!» – *продолжала она [Маша], мечтательно глядя на небо...* [7, 175]; *Люблю я своего батьку, право, сказал он, расплачиваясь с извозчиком* [27, 492]; и др.

6.2. Весьма заметное место в прозе А. Чехова занимают описания, т.е. словесные изображения «какого-либо явления действительности путём перечисления его характерных признаков» [6, с. 94]. Признаки в описании, как известно, чаще всего выражаются прилагательными и существительными, а иногда – глаголами и наречиями [2, с. 139]. Однако нередки случаи, когда описание насыщается деепричастиями. Ср.:

В вербах шумели грачи, потревоженные этой ездой, и, надсаживаясь, не умолкая, пели скворцы, как будто радуясь, что у Цыбукиных свадьба [23, 420]; *...по дорожкам, вытягиваясь, мешая друг другу, росли молодые клёны и вязы, уже оципаные коровами* [7, 123]; *Сад, всё больше редея, переходя в настоящий луг, спускался к реке, поросшей зелёным камышом и ивняком...* [7, 124];

7.1. Использование деепричастий в художественном тексте как образительно-выразитель-

ных средств показывает сложность их грамматической природы. Деепричастия могут употребляться в одном ряду с прилагательными и причастиями, образуя с ними однофункциональные синтаксические ряды. Ср.:

Маша, бледная, оторопев, думая, что сейчас к ней ворвутся в дом, высылает на полведра... [7, 164]; *Он [Антип Сидельников] шёл быстро, делая широкие шаги, а та [бабка] гнала за ним, задыхаясь, едва не падая, горбатая, свирепая; платок у неё сполз на плечи, седые, с зеленоватым отливом волосы развевались на ветру* [8, 220-221]; – *Мама, уедем отсюда! – сказала девочка, бледная, прижимаясь к матери и дрожа всем телом. – Уедем, мама!* [19, 369]; *Босая, в старой, поношенной юбке, засучив рукава до плеч, она [Липа] мыла в сенях лестницу и пела тонким серебристым голоском...* [23, 427]; *...она [Ариадна] ещё по ночам, развалившись, как тигрица, не укрытая, – ей всегда бывало жарко, – читала письма, которые присылал ей Лубков...* [5, 81]; и др.

В тех предложениях, где деепричастия даются в одном ряду с прилагательными и причастиями, их связь с глаголами-сказуемыми заметно ослаблена. Сохраняя грамматические признаки глагола и наречия, деепричастие «подстраивается под грамматические возможности сочетающейся с ним части речи», совмещая акциональные и обстоятельство-определяющие значения [18].

Таким образом, употребление деепричастий, являющихся прежде всего книжной категорией, в тексте, особенно в художественном, нуждаются во всестороннем изучении. Функционально-стилистические особенности деепричастий в прозе А. Чехова свидетельствуют о том, что эти формы глагола сохраняют опосредованную связь с аппозитивными причастиями, игравшими заметную роль в создании динамизма древнерусского текста. Кроме того они отражают влияние категории качества, которая активно формируется в русском литературном языке в XVIII в. под влиянием французского языка [3, с. 204].

Примечания

1. Более подробный анализ структурных особенностей деепричастий в прозе А. Чехова см. в [13].
2. Мы не включаем в это количество деепричастия СВ с суффиксом *а/я*, поскольку в ряде случаев (*принеся, подойдя*) указанный формант является единственным возможным.
3. При паспортизации иллюстративного материала мы указываем порядковый номер повести или рассказа в оглавлении к 8-му тому Собрания сочинений А. Чехова [15] и страницу этого издания.

Литература

1. Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Казань, 2007. – 40 с.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
3. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. 3-е изд. / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
5. Горшков А. И. Русская стилистика: Учеб. пособие / А. И. Горшков. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 367 с.
6. Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – 213 с. // Интернет-ресурс: http://books.google.com.ua/books/about/Грамматические_катег.html?id=9Q1ZMwAACAAJ&redir_esc=y

7. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века. – М.: Наука, 1964. – 320 с.
8. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1, 784 с.
9. Устюгова Л. М. Структура деепричастий как один из признаков национально-языковой специфики поэмы Н. Гоголя «Мёртвые души» // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2009. – № 4 (41). – Харьков. – С. 7–14.
10. Устюгова Л. М. Деепричастия как один из показателей своеобразия синтеза гетерогенных элементов в языке прозы А. С. Пушкина // Вестник Ужгородского национального университета. Серия: филология. – 2009 а. – № 21. – с. 23-30.
11. Устюгова Л. М. Структурные особенности деепричастий в прозе М. Ю. Лермонтова // Русский язык и литература в школе и в вузе. Проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – С. 340-345.
12. Устюгова Л. М. Структурные и функционально-стилистические особенности деепричастий в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. Сборник научных работ. – Горловка, 2012. – С. 308-314.
13. Устюгова Л.М. Структурные особенности деепричастий в прозе А.П. Чехова 1895-1903 гг. (в печати).
14. Устюгова Л.М. Функционально-стилистические особенности деепричастий в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» (в печати).
15. Чехов А.П. Собрание сочинений. Т. 8. Повести и рассказы 1895-1903 / А. П. Чехов. – М.: Худож. лит-ра, 1962. – 575 с. (текст – 500 стр.): 1. Супруга; 2. Анна на шее; 3. Белолобый; 4. Убийство; 5. Ариадна; 6. Дом с мезонином; 7. Моя жизнь; 8. Мужики; 9. Печенег; 10. В родном углу; 11. На подводе; 12. У знакомых; 13. Человек в футляре; 14. Крыжовник; 15. О любви; 16. Ионыч; 17. Случай из практики; 18. Душечка; 19. Новая дача; 20. По делам службы; 21. Дама с собачкой; 22. На святках; 23. В овраге; 24. Архиерей; 25. Расстройство компенсации; 26. Письмо; 27. Невеста.
16. Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2010 // Интернет-ресурс: <http://cheloveknauka.com/grammatika-russkogo-deepri chastiya#>

Людмила Устюгова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Аннотация. Автор статьи исследует функционально-стилистические, а также структурные особенности деепричастий в прозе А. Чехова 1895-1903 гг. Особое внимание обращается на те факторы, которые обуславливают употребление деепричастий в книжных контекстах как самостоятельной морфолого-синтаксической категории.

Ключевые слова: деепричастие, словоформа, функция, книжный контекст.

Ludmila Ustyugova

FUNCTIONAL AND STYLISTIC FEATURES OF GERUNDS IN THE PROSE OF A. CHEKHOV

Summary. In the article the author examines the functional, stylistic and structural features of gerunds in the prose of A. P. Chekhov of 1895-1903. A special attention paid of the factors that determine the use of gerunds in literary contexts as an independent morphological and syntactic category.

Keywords: gerund, word form, function, literary context.

*Стаття надійшла до редакції
12 лютого 2013 року*

Устюгова Людмила Михайлівна – доктор філологічних наук Російської Федерації, професор кафедри російської мови УжНУ